

А.В. Ганин
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН

РАСКОЛ РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НОЯБРЬ 1917 – НОЯБРЬ 1918 г.)

Раскол армии – одно из опаснейших явлений внутренней жизни страны, по своим последствиям чреватое Гражданской войной. Раскол воюющей армии влечет еще более непредсказуемые последствия. Последний год Первой мировой войны был как раз годом такого раскола в России и временем оформления противоборствующих лагерей российской Гражданской войны. Тогда многое зависело от выбора профессиональных военных – представителей командного состава и военной элиты – офицеров Генерального штаба.

Если Февральская революция 1917 г. можно сказать не вызвала раскола офицерской корпорации, хотя повлекла за собой выход солдатских масс из подчинения офицерам и серьезную дестабилизацию обстановки, то подлинный раскол офицерского корпуса произошел в августе–сентябре 1917 г. в связи с выступлением генерала Л.Г. Корнилова. Среди генштабистов были те, кто активно поддержал Корнилова, те, кто сочувствовал ему, но не решался выступать активно, те, кто считал его выступление вредным и даже те, кто, сотрудничая с Временным правительством, активно противостоял выступлению Корнилова. Большевицкий переворот и последовавшие события только усугубили этот раскол. Гражданская война стала одним из сложнейших жизненных испытаний для офицеров старой русской армии, в т.ч. для специалистов Генерального штаба. Как и все население бывшей Российской империи, офицерство оказалось между красными, белыми и сторонниками национальных государств. Немалая часть офицеров предпочла уклониться от вовлечения в братоубийственную войну и заняла нейтральную позицию.

Период 1917–1918 гг. за все время Гражданской войны был, пожалуй, наиболее трудным и противоречивым временем для офицеров старой армии. Сложность заключалась, прежде всего, в отсутствии выбора порядочного человека. Старый режим обанкротился, причем как в лице императорской власти, так и в лице Временного правительства. Орды обезумевших от вседозволенности, распропагандированных солдат жаждали крови ненавистных им офицеров. Откровенная уголовщина прикрывалась революционными лозунгами.

В.И. Ленин и большевики для абсолютного большинства генштабистов были неприемлемы. В среде патристически настроенного офицерства был распространен взгляд на них как на врагов России, предателей, прямых наймитов Германии, стремившихся к поражению собственной страны в мировой войне и заключивших позорный сепаратный мир с врагом, предав союзников России по Антанте. Этот взгляд был не далек от действительности и служил одной из причин перехода офицеров на сторону антибольшевистских сил. Свою роль играл и фактор антисемитизма, являвшийся одной из составляющих мировоззрения дореволюционного офицерства. Он был обусловлен немисливой для старой России ролью евреев в большевистском руководстве и вытекавшими отсюда конспирологическими построениями возможного развития событий и миссии большевизма. На выбор офицеров влияло упразднение чинов и самого слова «офицер» в Советской России, замененного словосочетанием «военный специалист» или «военспец», оскорбительное для кадровых военных требование снять заслуженные многолетней службой, потом и кровью погони, изъятие оружия, в т.ч. наградного. В восприятии офицеров с большевизмом ассоциировались и солдатские банды, поэтому идти в Красную армию было про-

сто опасно. Но парадокс заключался в том, что в феврале–марте 1918 г. именно ненавистные офицерам большевики возглавили защиту страны от германского нашествия, тогда как декларировавшие верность союзникам белые сил для такой борьбы не имели и своей партизанской борьбой только затрудняли оборону страны красным.

Противостоящая большевикам сторона, прежде всего, лидеры зародившегося на Юге России Белого движения, также не выглядела особенно привлекательно, хотя и боролась за прежние права офицерской корпорации. Генерал Л.Г. Корнилов потерпел неудачу в августе 1917 г., когда имел в своих руках рычаги управления армией. Это не прибавляло веры в успех его нового начинания, когда Добровольческую армию приходилось создавать с нуля. К тому же генералы Алексеев и Корнилов принимали самое деятельное участие в свержении монархии, что не добавляло им популярности.

Как показал на следствии по делу «Весна» бывший Генштаб полковник Н.Е. Какурин, в Киеве в революционные дни «я первое время ходил как в тумане. Так же ходили и некоторые сослуживцы. Помню, однажды один из них пригласил собраться у него на квартире обменяться мнениями и потолковать. Пошел. Собралось человек 10. Пришел генерал Абрам Драгомиров. Говорил о верности обязательствам к Антанте, о необходимости восстановить фронт и продолжать войну до победного конца, о том, что с Дона должно прийти спасение в лице Добровольческой армии и т.д. Мне не понравилось все это. Тогда уже до очевидности ясно у меня было, что этого-то, т.е. до войны в союзе с Антантой до победного конца русский народ как раз и не хочет, а значит, из кого же будет состоять армия – преимущественно из офицеров; значит, нечто кастовое. А отсюда вспоминалась история армии Кондэ первой французской революции и ее судьба. На этом деле решил поставить крест»¹. По свидетельству Какурина, «приход армии Муравьева в Киев и ряд стихийных эксцессов, имевших там место, внушили мне большой страх к большевикам и на время уничтожили желание ближе познать их. Думалось, что это разбушевавшаяся стихия, в некоторых своих проявлениях могущая внушить отвращение»².

Поляризация и кристаллизация сторон еще только начинались, но братоубийственная война уже развернулась, причем из каждого лагеря раздавались требования присоединиться к ним при отрицании возможности иного выбора. Служба в противоположном лагере воспринималась как самое тяжелое преступление, заслуживающее суровой кары. Для белых военспецы были ренегатами, предавшими офицерскую корпорацию и не достойными даже именоваться офицерами. В восприятии красных белые офицеры были идейным костяком противоположного лагеря и подлежали истреблению.

На все это накладывалась незавершенность мировой войны и продолжавшееся, в т.ч. на территории России, противоборство Антанты и центральных держав. Многие генштабисты воспринимали мировую войну как фактор, более значимый, чем внутрироссийские революционные перемены. Революция и Гражданская война заслонили и в российской истории и в историографии события мировой войны. Однако в 1918 г. генштабисты, для которых приоритетом была верность союзникам, не считали, например, зазорным даже после Брестского мира сотрудничать со спецслужбами стран Антанты. Такие действия не казались предательством и шпионажем. Более того, до некоторых пор, само большевистское руководство относилось к такому сотрудничеству достаточно спокойно и даже получало по этим каналам ценную для себя информацию.

Активное выражение собственной гражданской позиции – удел меньшинства в любом обществе. Не являлось исключением и русское офицерство. Громадное большинство офицеров представляло собой инертную массу, которая по выработанной за годы службы привычке слепо исполняла приказы сверху и продолжала оставаться на своих местах

¹ Ведомственный архив Службы безопасности Украины (далее – ГА СБУ). – Ф. 6. – Д. 67093-ФП. – Т. 54 (72). – Л. 20.

² Там же. – Л. 20–20об.

и после октябрьского переворота. Поскольку большевики взяли под контроль центр страны, где располагались все органы центрального военного управления, а также прифронтовую полосу нескольких фронтов и Ставку, значительная часть офицерства таким путем, как бы по инерции, перешла из учреждений старой армии в те же, но видоизмененные органы новой – Красной Армии. Например, большинство работников Ставки, множество работников центральных органов военного управления осталось на своих местах после смены власти, причем некоторая часть (сотрудники Главного управления Генерального штаба) несла прежнюю службу вплоть до мая 1918 г. В этом смысле период перехода от структур старой армии к Красной Армии может быть назван инерционным. Многие попавшие таким путем в новую армию считали, что служат своей стране безотносительно правящего режима. Например, Генштаба генерал-майор А.А. Балтийский прямо заявлял о себе и своих единомышленниках: «И я, и многие офицеры, шедшие по тому же пути, служили царю, потому что считали его первым из слуг отечества, но он не сумел разрешить стоявших перед Россией задач и отрекся. Нашлась группа лиц, вышедших из Государственной думы, которая взяла на себя задачу продолжать работу управления Россией. Что ж! Мы пошли с ними, помогая им как только могли и работая на для них, а для пользы родины. Но они тоже не справились с задачей, привели Россию в состояние полной разрухи и были отброшены. На их место встали большевики. Мы приняли их как правительство нашей родины и также по мере сил стремились помочь им в их работе. В политику мы в то время не вмешивались и действовали по признаку преемственности власти»¹. Подобная позиция едва ли может быть названа гражданской, но она была достаточно распространена.

Лишь меньшая часть офицерства по идейным причинам, осознанно, пошла на сотрудничество с большевиками. Но такие люди были. К примеру, после июльских событий 1917 г. с военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б) начал сотрудничать Генштаба генерал-лейтенант Н.М. Потапов, связанный с большевиками М.С. Кедровым и руководителем так называемой «военки» – военной организации большевиков Н.И. Подвойским². По свидетельству Кедрова, генерал Потапов еще при Керенском «оказывал большевикам ценные услуги»³. При этом абсолютное меньшинство бывших генштабистов вступило в большевистскую партию.

Имеются данные о том, что в Красную Армию добровольно шли некоторые консервативно настроенные представители старой военной элиты. Например, М.Д. Бонч-Бруевич, А.А. Самойло и другие⁴.

Множество бывших офицеров добровольно поступило в Красную Армию по патристическим соображениям, чтобы продолжать воевать с немцами, которые теперь угрожали Петрограду. Некоторые, понимая риск быть втянутыми в братоубийство, ставили условием своей службы у красных привлечение их только на борьбу с внешним врагом. Разумеется, в связи с переходом к принудительным мобилизациям в Советской России с этими требованиями большевики не стали считаться. Таким образом, эта категория офицеров оказалась обманом втянута во внутреннюю войну на стороне красных.

Среди старших офицеров, продолжавших служить на прежних местах при новой власти, было распространено заблуждение, что, оставшись на старых должностях, можно сохранить контроль над армией в новых условиях и не отдать ее в руки большевиков. В этой связи достаточно любопытны показания бывшего Генштаба генерал-майора С.Г. Лукирского, данные во время следствия по делу «Весна» в январе 1931 г.: «Наступившая

октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы, или удержать армию от развала, как орудие целостности страны. Принято было решение (к сожалению, Лукирский не указывает, кем. – А.Г.) идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный; решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало...»¹. По свидетельству Генштаба генерал-майора П.П. Петрова, служившего в 1918 г. в штабе 1-й армии бывшего Северного фронта: «Все мы тогда плохо знали, или закрывали глаза на то, что делалось на юге и считали, что в интересах русского дела, надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат (курсив мой – А.Г.). Вспышки гражданской войны нас непосредственно не касались...»². В действительности, подобные мотивы оказались иллюзией. Осознав невозможность осуществить задуманное в советских условиях, сторонники такой идеи или переходили на сторону антибольшевистских сил или ввязывались в крайне рискованную подпольную работу.

Беспочвенными оказались и надежды на непрочность и непопулярность большевиков, которых из-за этого поддерживали лишь для того, чтобы они свергли деструктивное Временное правительство, после чего были бы сменены какой-то другой, более приемлемой для офицерского мировоззрения, властью.

Для кадровых офицеров военная служба была единственным занятием. Вне армии и в отрыве от любимого дела они себя не представляли, поэтому среди многих получила распространение психология «ландскнехтов», готовых служить любой власти, нуждающейся в их услугах³.

Существует немало свидетельств, что в РККА добровольно шли ради карьеры люди, обиженные или запятнавшие себя при старом режиме, неудачники, стремившиеся реализовать свой невостребованный или отсутствовавший потенциал. Например, таким путем в РККА попал генерал-майор В.А. Ольдерогге, который во время русско-японской войны в чине подполковника служил правителем канцелярии дорожного отдела управления военных сообщений штаба Маньчжурских армий и получал взятки (по свидетельству генштабиста С.А. Щепихина, за поставку гнилых шпал⁴, по документам расследования – за выдачу нарядов на вагоны для коммерческих грузов⁵), а, когда афера раскрылась, был переведен в январе 1916 г. из Генерального штаба в строй⁶. В 1918 г. этот офицер, презираемый в кругу генштабистов, добровольно поступил на службу в РККА, где, конечно, смог служить и по Генеральному штабу. Одинокашник генерала А.И. Деникина по юнкерскому училищу и академии Генштаба (выпуск 1899 г.) генерал-майор П.П. Сытин к началу Первой мировой войны оказался последним по старшинству из своего академического выпуска. Лишь в 1917 г. он получил генеральский чин⁷. Возможно, именно карьерные неудачи побудили его пойти на службу в новую армию.

Ужесточение условий службы в Красной Армии, переход к принудительным мобилизациям генштабистов и отправка их на внутренние фронты привели к массовому дезертирству военной элиты. На протяжении 1918-1919 гг. из Красной Армии бежали более пятисот специалистов Генерального штаба.

¹ ГА СБУ. – Ф. 6. – Д. 67093-ФП. – Т. 65. – Ч. 1. – Л. 40.

² Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). – Рига, 1930. – С. 245.

³ Любопытный анализ мировоззрения офицеров разных типов армий – см.: Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917-1921. – М., 2011. – С. 18-46.

⁴ ГА РФ. – Ф. Р-6605. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 20об.

⁵ РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 4613. – Л. 8об.

⁶ Там же. – Ф. 2003. – Оп. 1. – Д. 1338. – Л. 106-106об; Впрочем, другой фигурант этого дела – генштабист А.Н. Алексеев в годы Гражданской войны оказался в белом лагере.

⁷ Трамбицкий Ю.А. Генерал-лейтенант А.И. Деникин // Белое движение. Исторические портреты. – М., 2011. – С. 143-144.

¹ Верховский А.И. На трудном перевале. – М., 1959. – С. 420.

² Городецкий Е.Н. О записках Н.М. Потапова // Военно-исторический журнал. – 1968. – № 1. – С. 59.

³ Кедров М.С. За Советский север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. – Л., 1927. – С. 86.

⁴ Knox A. With the Russian army 1914-1917. – L., 1921. – P. 42.

О том, что генштабисты оказывались у красных не всегда в силу своих убеждений, а нередко по воле случая, свидетельствует трагедия разделенных фронтами Гражданской войны офицерских семей. Фронты Гражданской войны разъединили братьев Байовых (Алексея, Владимира и Константина Константиновичей), братьев Махровых (Василия, Николая и Петра Семеновичей), братьев Свечинных (Александра и Михаила Андреевичей), братьев Сытнинных (Ивана и Павла Павловичей), братьев Новицких (Василия, Евгения и Федора Федоровичей). Но документы не свидетельствуют о существенной разнице в мировоззрении кого-либо из этих братьев, служивших различным режимам. В большинстве случаев речь не шла об идейном выборе в пользу красных. Если существовала возможность уйти к белым, те, кто оказался на советской территории, ею пользовались. Так, при занятии белыми Гатчины к ним перебежал служивший в РККА бывший генерал А.К. Байов. Хотел бежать от красных и Н.С. Махров, но не смог этого сделать и лишь переправил через линию фронта сообщение брату о невозможности побега.

В ряды белых армий шли патриотически настроенные офицеры, которые ощущали резкое неприятие разложения армии, идеологии и пропаганды пораженчества, пропаганды классового и сословного разрыва, которую вели большевики. Для многих из них большевики ассоциировались с германским шпионажем и олицетворяли внешнего врага. Приход их к власти в стране казался предвестником окончательной гибели государства. Противники большевиков, жаждавшие активной борьбы, бежали на Дон, где генерал М.В. Алексеев формировал Добровольческую армию. Руководство этой армии составили почти исключительно участники неудавшегося выступления генерала Л.Г. Корнилова, арестованные в Быхове и бежавшие оттуда в ноябре 1917 г. на Юг. В белые армии попадали и офицеры, проживавшие на окраинах страны, контролировавшихся антибольшевистскими правительствами.

Однако прием, ожидавший после всех мытарств опытных генштабистов на Белом Юге, не мог не разочаровывать. Зарождавшаяся Добровольческая армия больше нуждалась в рядовом составе, чем в военной элите, которой было в избытке; поэтому к приезжавшим офицерам Генштаба относились прохладно. Полковник И.Ф. Патронов вспоминал о своей беседе с генералом С.Л. Марковым по прибытии в штаб армии: «Узнав, кто я, он разочарованно сказал мне:

– Старшие чины, как Вы, нам в сущности не нужны; должностей и окладов у нас нет; нам, прежде всего, нужны рядовые бойцы.
– Напрасно думаете, что я прибыл к вам за должностями и окладами, - возразил я.
– Все равно не можем мы полковников Ген. штаба ставить рядовыми бойцами, хотя бы они и были на то согласны. Конечно, в этом может оказаться надобность и к этому Вы должны быть готовы, а пока идите в штаб ген. Корнилова.

Я расклялся и ушел, весьма разочарованный первым приемом»¹.

Генштабисты оказались не только у красных и у белых, но и в еще одном, национальном, лагере. В 1917 г., наряду со многими новыми явлениями российской жизни, на развалинах империи стартовал процесс образования независимых национальных государств. Разумеется, в этот процесс не могли не быть вовлечены тысячи офицеров и солдат, происходивших из губерний, отошедших к новообразованным государствам или принадлежавших к доминировавшим там национальностям. Волна националистических настроений захлестнула русскую армию. Стали появляться разнообразные национальные формирования – польские, украинские, прибалтийские и закавказские.

Офицеры поступали в национальные формирования по самым разным причинам. В основном, по этому пути шли те, кто был связан рождением, родственными связями, службой или имуществом с самоопределившимися территориями. Немалую роль играл

фактор случайности. Например, в украинские армии географически проще было попасть тем, кто служил на Юго-Западном и Румынском фронтах Первой мировой войны. Отдельные офицеры «национализировались» подчас при откровенно комических обстоятельствах. Так, например, заключенные в Быхове сторонники генерала Корнилова осенью 1917 г. убедили Генштаба подполковника И.Г. Соотса в том, что для освобождения ему следует «самоопределиться» как эстонцу. Соотс действительно подал такое заявление, причем воспринимал все это как шутку и не думал о действительном самоопределении. Тем не менее, впоследствии он стал эстонским военным министром. Находившийся там же Генштаба капитан С.Н. Яснинский позднее отметил в своих воспоминаниях: «Составляя в то время это прошение, никто из нас и не подозревал, что автор его будет действительно "самоопределившийся" министр. Сам [подполковник] Соотс придавал своей просьбе только значение шутки, могущей способствовать его скорейшему освобождению, но никак не "самоопределению", о чем он, по-видимому, тогда и не думал»¹.

Как и в случае с поступлением в Красную Армию, в национальные формирования шли не сумевшие себя ранее реализовать в карьерном плане офицеры, ожидавшие теперь быстрого взлета. Это – одна из причин, но не самая значительная. Сюда же поступали противники большевиков, надевавшиеся в рядах этих армий принять участие в борьбе с ними или же переждать Гражданскую войну, избежать репрессий. Среди других причин – стремление удержать контроль за частями бывшей русской армии, пошедшими по пути национализации. Например, генштабисты всерьез считали, что, расставив своих людей в руководстве украинской армии, они смогут уберечь войска от влияния самостийных идей². На гетманской Украине в 1918 г. под защитой германских штыков можно было спокойно пересидеть Русскую Смуту. По этой причине сотни офицеров, даже не знавших украинского языка и подчас отказывавших Украине в праве на собственную государственность, устремились туда. С такой же легкостью после ухода немцев в конце 1918 г., крушения режима гетмана П.П. Скоропадского и прихода к власти радикальных украинских националистов они бросили Украину, устремившись к белым или к красным.

Любопытные наблюдения о поведении генштабистов в Гражданскую войну содержатся в показаниях бывшего генерала А.Г. Лигнау по делу «Весна» 17-18 января 1931 г., хотя в документе и чувствуется направляющая рука следователя. Лигнау отмечал: «Октябрьская революция на фронте, ликвидировавшая офицерство как класс, сразу же вызвала с его стороны ярко враждебное к ней отношение.

Офицерство было лишено того привилегированного служебного положения, в котором находилось, лишено действительной неограниченной власти над солдатской массой и лишено тех материальных перспектив, которые предвиделись по окончании войны.

Особенно остро чувствовали вновь создавшееся положение мы, офицеры Генштаба, занимавшие исключительно выгодное служебное положение, обеспечивавшее нам блестящую будущность.

Офицерский состав по своему отношению к большевизму разделился на две основных категории.

Первая, сразу же ставшая по внешним проявлениям на сторону большевиков, всецело отдавалась во власть солдатской массы, стремясь всемерно доказать ей свою глубокую приверженность новому политическому течению, для чего принимала самое широкое участие в митингах, шла навстречу и даже предупреждала стремления солдатской массы "кончать войну" и расходиться по домам.

Другая же часть, недостаточно гибкая и не оставившая еще прочно укоренившегося в ней чувства "офицерского долга", не желавшая идти на компромиссы со своей "монархической совестью", стремилась всеми силами уйти с фронта в тыл и там ожидать даль-

¹ Там же. – Д. 163. – Л. 49.

² Там же. – Д. 235. – Л. 63.

¹ ГА РФ. – Ф. Р-5881. – Оп. 2. – Д. 556. – Л. 42.

нейших событий. К этой части относилась и большая доля офицеров Генштаба, как находившихся в Штабах и не связанная непосредственно со строевыми частями, т.е. с солдатской массой.

Как та, так и другая категория офицерства в общем затаила в себе непримиримо враждебное отношение к большевизму как к политической системе, ликвидировавшей офицерство как класс, и к большевикам, как к людям, создавшим и проводившим эту систему в массы, влияние над которыми (в документе ошибочно: которой. – А.Г.) они быстро приобретали.

По ликвидации империалистического фронта до начала гражданской войны наиболее активная и энергичная часть офицерства стремится в районы, не охваченные еще в полной мере большевизмом, и здесь под руководством офицеров Генштаба организует активную борьбу с большевиками.

Эти более агрессивные группы, опираясь на кулацки настроенные массы, как, например, казачество, украинских хуторян, сибирское крестьянство, – достаточно окрепшие, входят в договорные отношения с правительствами капиталистических стран и, во имя борьбы с большевизмом, становятся послушным орудием капитализма, стремящегося возратить себе утраченное экономическое влияние на территории России.

Интервенция, как полное экономическое порабощение России, не смущает глубоких патриотических чувств руководителей борьбы с большевиками в лице нас, бывших офицеров Генштаба, – наша цель уничтожение большевизма как политического фактора, какой угодно ценой.

Я лично сначала работаю в роли помощника воен[ного] министра в правительстве гетмана Скоропадского, а после его падения в армии Колчака.

Начинается гражданская война.

Мы, офицеры Генштаба, оставшиеся на территории, не захваченной контрреволюционными группировками, втягиваемся помимо нашей доброй воли в круговорот политической жизни и, став перед необходимостью дать прямой ответ на формулу "кто не с нами, тот против нас", идем работать с большевиками.

Оставаясь по-прежнему враждебно настроенными против Соввласти, при неуверенности в исходе гражданской войны и в расчете все же на падение Соввласти при помощи интервенции, значительно большая часть из нас, принимая призыв Соввласти к совместной работе, стремится занять положение, но менее одиозное в глазах будущих победителей – интервентов: центральные учреждения, военные учебные заведения и т.п.

Приглашения к непосредственному участию в гражданской войне в рядах Красной Армии и в действующих прифронтовых штабах встречают пассивное сопротивление в виде отводов под благовидными предлогами: неподготовленность к командованию крупными соединениями, незнакомство с методами гражданской войны, состояние здоровья, семейное положение и т.д.

В этих стремлениях мы, бывш[ие] офицеры Генштаба, встречаем широкое сочувствие и поддержку со стороны наших товарищей, занимающих ответственные должности, связанные с распределением генштабистов, и при помощи этих товарищей мы устраиваемся на "нейтральные" места.

Занимая те или иные должности, мы не можем отказаться от мысли о необходимости перестраховки себя на будущее, если исход гражданской войны окажется неудачным для большевиков.

Значительная часть у нас, бывш[их] офицеров Генштаба, в ожидании конца гражданской войны, стремится уйти в подполье, либо прозябая в качестве "бывших людей" на положении кустарей (портные, сапожники, игрушечники и т.п.), либо стремится устроиться на легкие должности в гражданских правительственных учреждениях, либо живя без определенных занятий на остатки своих сбережений и продажей своего имущества.

Основное побуждение всех нас сохранить себя в глазах возможных победителей на случай падения Сов[етской] власти наименее скомпрометированными и, таким образом, получить больше шансов на восстановление своих утраченных прав и преимуществ.

Более экспансивные натуры, желающие предупредить события и в наибольшей мере себя перестраховать, идут на измену, передавая на белую сторону (Иван Павлович СЫТИН, БОЛХОВИТИНОВ, АНДОГСКИЙ, БОГОСЛОВСКИЙ и др.) и пытаясь даже поднять восстание, как, например, ПЕРХУРОВ в Ярославле.

Война с белополяками знаменуется призывом БРУСИЛОВА ко всем офицерам и к их патриотическому чувству.

Этот призыв воспринимается под углом зрения наших общих настроений. Мы призыв БРУСИЛОВА объединиться для защиты родины трактуем как призыв к защите родины в нашем представлении, а не для защиты Сов[етской] власти.

Конец гражданской войны создал психологию, крайне для нас неблагоприятную, под непосредственным воздействием следующих фактов:

1. Белые армии, многочисленные и технически хорошо снабженные при широкой материальной помощи Антанты, разбиты слабой, хуже организованной и технически отсталой Кр[асной] Армией.

2. Иностранные войска, действовавшие совместно с белыми, оказались небоеспособными, подверглись быстрому разложению под влиянием большевистской агитации.

Мы под влиянием исхода гражданской войны и неудачи первой интервенции временно находились в состоянии своего рода психической депрессии.

Мы пришли к выводу, что расчеты на свержение Сов[етской] власти рухнули, [пришлось] склонить головы перед неизбежным злом и обеспечить себе наиболее сытое существование, затаив в себе мечты о возвращении прежних "прав" и "преимуществ", прикрыв свою политическую сущность под маской внешней лояльности.

Мы, бывшие офицеры Генштаба, переходили на вынужденную добросовестную работу, стремясь занять наиболее ответственные места, делая уже карьеру на советской службе.

Мы, хотя и связаны между собой единым мировоззрением и единым классовым сознанием, работаем пока каждый сам по себе, вступая даже во взаимную конкуренцию и интригу друг против друга во имя личного благополучия.

Этот период является периодом наибольшего насыщения нами (бывш[ими] генштабистами) центральных и правительственных учреждений и военно-учебных заведений: Штаб РККА со всеми отделами, ГУВУЗ¹, Штабы военных округов, различные военные Академии и особенно Военная Академия РККА, КУВНАС², Воздушная Военная Академия, КУВНАС стр[атегических?] окр[угов], ПС³, Выстрел⁴, провинциальные нормальные школы и т.п.

Внешне лояльно, но по существу идеологически враждебно Сов[етской] власти, мы, бывшие офицеры Генштаба, на досуге анализируем минувшие события, стремясь выяснить причины неуспеха белых армий и интервентов.

Анализ нас приводит к выводам, что основные причины победы Сов[етской] власти заключаются в следующем:

1. Явно враждебное отношение к белым и интервентам со стороны преобладающей массы крестьянства, воспринявшего большевизм полностью, жившего с Сов[етской] властью одними интересами и ждавшей только от нее осуществления всех своих интересов,

¹ ГУВУЗ – Главное управление военно-учебных заведений.

² КУВНАС – Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава.

³ Предполагательно сокращение – подготовка состава.

⁴ Речь идет о стрелково-тактических курсах усовершенствования комсостава РККА им. III Коминтерна «Выстрел».

особенно, резко чувствовавшего власть белых после занятия ими территорий, оставленных большевиками.

2. Революционный энтузиазм и безусловная преданность Сов[етской] власти красных войск периода гражданской войны, постоянно поддерживаемые крепко сплоченной партией, умевшей создавать решительный перелом в пользу Сов[етской] власти в критические моменты на фронте.

3. Неорганизованность и неподготовленность антисоветских элементов в тылу.

4. Отсутствие согласованности в действиях белых армий.

Как общее заключение, если бы обстановка сложилась иначе, Сов[етская] власть неизбежно была бы ликвидирована.

Сделанные выводы учитываются как урок на будущее время.

Период, непосредственно следующий за окончанием гражданской войны, с возникшей хозяйственной разрухой дает нам первые проблески надежды на внутренние осложения.

В связи с этим, учтя сделанные выше выводы, мы, уже объединенные первым призывом БРУСИЛОВА и общими настроениями, проявляем стремления подготовиться к будущим событиям, не повторяя допущенных ошибок.

Основным вопросом пока у нас является более прочное объединение бывших офицеров вообще и офицеров Генштаба, в первую очередь, как предназначенных на руководящую роль¹.

К концу 1918 г. стороны Гражданской войны кристаллизовались и организовались. Большая часть генштабистов оказалась среди противников большевиков. С другой стороны, красные смогли поставить себе на службу такое количество генштабистов, которое, пусть и по минимуму, но позволяло им решать военные задачи. Однако антибольшевистский лагерь, в отличие от Советской России, так и не стал единым военным лагерем, что и предопределило его разгром.

Российская Гражданская война традиционно изучается с позиций приоритета партийно-политической борьбы. С точки зрения внутрикорпоративного противостояния дореволюционной военной элиты, события 1917-1922 гг. еще не рассматривались. Между тем, этот фактор, несомненно, присутствовал – исследователям лишь нужно определить его реальное значение. Мы, например, не знаем, что доминировало в выборе командующего советским Южным фронтом П.П. Сытина – идейные установки, вынужденное сотрудничество с большевиками или же стремление помериться силами и доказать своим более удачливым до революции однокашникам и сослуживцам, что он как военный профессионал тоже чего-то стоит. И, возможно, не так далек от истины, как может показаться на первый взгляд, видный кадетский деятель Н.И. Астров, писавший в эмиграции генералу А.И. Деникину о том, что «офицеры Генерального Штаба поделили Россию на белую и красную и вели на ней поединок...»².

*Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2
«Военная элита в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.».*

¹ ГА СБУ. – Ф. 6. – Д. 67093-ФП. – Т. 59 (77). – Л. 70–75.

² ГА РФ. – Ф. Р-5913. – Оп. 1. – Д. 101. – Л. 189.